

Историографическая справка¹

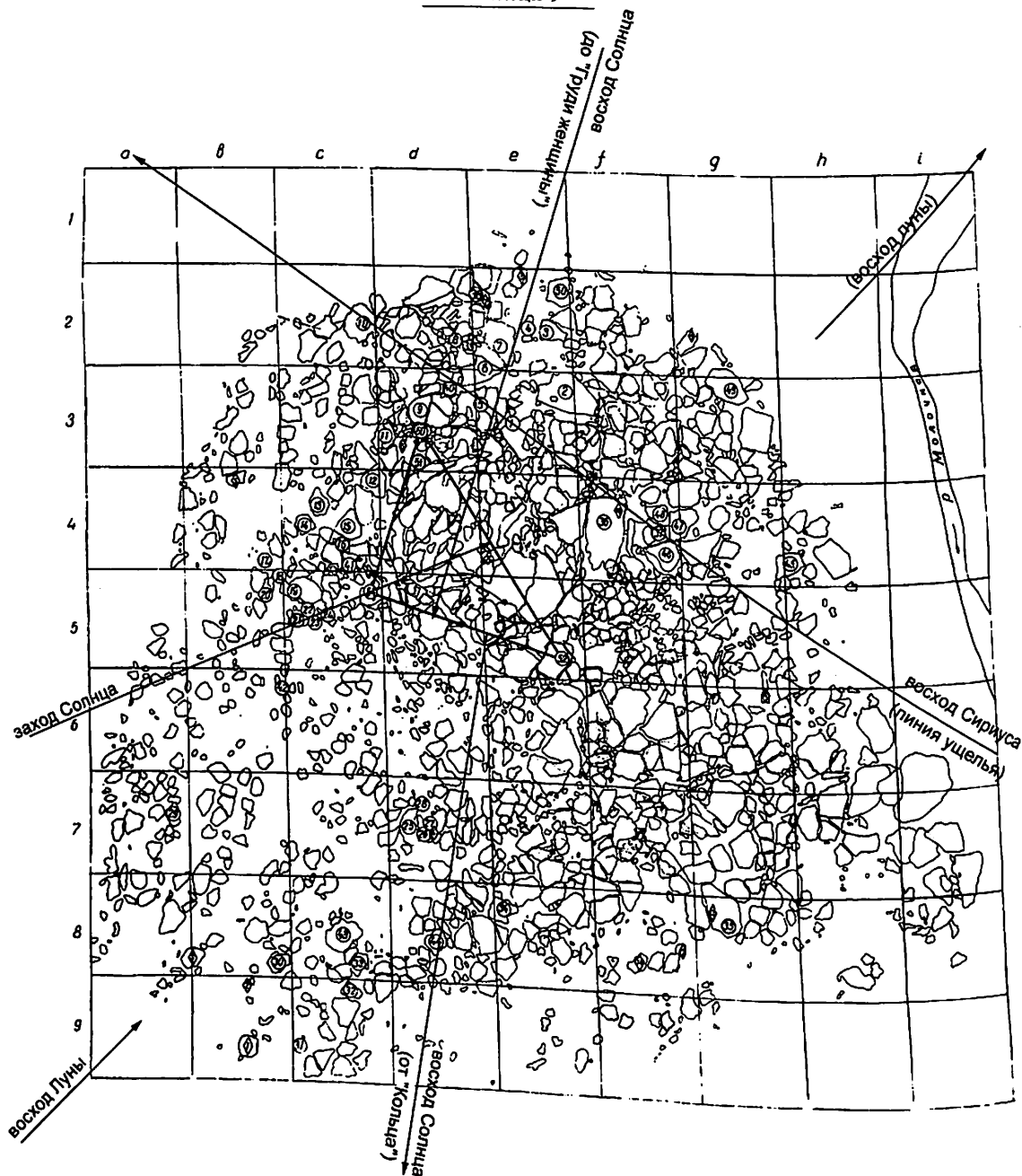
Первые сообщения о Каменной Могиле (Ююнь-Таш) стали известны еще в 1778 г. — во время русско-турецкой войны А. В. Суворов устроил там пост из 14 казаков. Этот памятник Мелитопольского уезда Таврической губернии отметил в 1837 г. академик П. И. Кёппен, сообщивший, что в 1822 г. его проводник, будучи тогда пастухом, проник в одну из пещер Каменной Могилы и видел там на «стенах» древние однострочные надписи «длиною в аршин». Потом эту пещеру засыпали песком. Ф. К. Бруни в 1868 г. считал это место сферой обитания Геродотовой змееногой богини, дочери Борисфена, когда та встречалась с Гераклом. От их брака, как известно, родились три сына, ставшие скифскими царями.

Археолог Н. И. Веселовский, печально известный непрофессиональными раскопками знаменитого Майкопского кургана², в 1889 г. исследовал второразрядный скифский курган в Мелитопольском уезде. Во время пребывания там он узнал о неблагоприятных деяниях местных крестьян. Им посчастливилось найти на Каменной Могиле несколько серебряных монет старой московской чеканки, в связи с чем они в поисках «клада» едва не погубили памятник. Взрывы порохом гротов продолжались до тех пор, пока один искатель едва не погиб под завалом песка. «Крестьянские» раскопки прекратились.

Н. И. Веселовский счел необходимым побывать на Каменной Могиле. Его внимание обратил на себя грот № 1: «В одном месте высечены... сперва рамочка, сверху 4 неглубокие ямки, на таком расстоянии, что можно вводить четыре пальца, далее что-то вроде стрелы и ветки, внизу круг с перекрещивающимися линиями»³. В следующем году он даже снял копию с этой плиты и ряда рисунков в Гроуте Быка (№ 9), но, к сожалению, их никто не видел, и самому автору они остались позднее недоступны⁴. Любопытно, что в те же годы и даже ранее археолог-самоучка Г. Шлиман раскапывал Трою и, обнаруживая в раскопках кратенькие надписи (обычно на пряслицах), обращался за помощью к специалистам-ассириологам (например, А. Сэйсу)⁵. Н. И. Веселовский же, академик Императорской Российской Академии наук, даже не счел нужным поставить в известность специалистов, и памятник надолго оказался вне науки.

Прошло еще полвека, прежде чем сотрудники Мелитопольского историко-краеведческого музея в силу должностной необходимости не стали эпизодически «копать» с 1932 по 1935 г. гроты и пещеры и даже неолитические поселения Каменной Могилы. С 1938 г. здесь прочно обосновался тогда еще молодой археолог О. Н. Бадер (в 1936 г. ему удалось проникнуть в Грот Быка). Он занялся изучением надписи «грота № 1» Веселовс-

ТАБЛИЦА 5

План расположения плит Каменной Могилы (по И. А. Злобину)
 Измерения восхода (и захода) Солнца, Луны и Сириуса
 (в день летнего солнцестояния в 1995 и 1996 гг.)

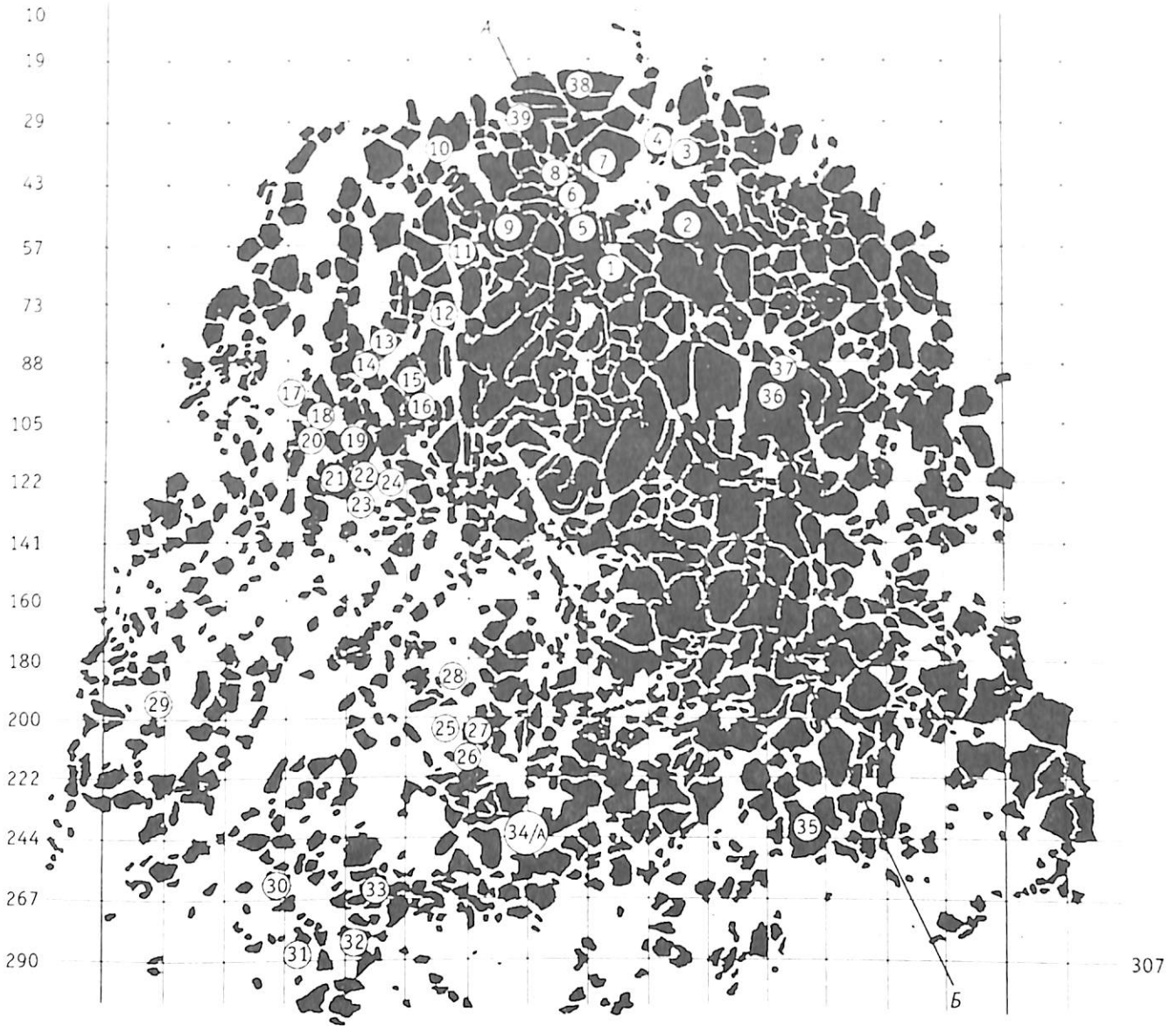
кого, а затем и его «пещеры» (№ 9). Его публикации 1937 и 1941 гг.⁶ возбудили интерес к тогда малоизвестному памятнику. Постоянно там работал и В. Н. Даниленко, которому предстояло стать одним из ведущих исследователей Каменной Могилы. Сотрудник Института археологии Украинской Академии наук, талантливый археолог, наделенный тонкой интуицией, он сделал многое для изучения Каменной Могилы. Однако он повсюду искал палеолит. В дискуссии по поводу того, кто изображен в Грооте Быка — бык или мамонт, О. Н. Бадер и В. Н. Даниленко отстаивали «права» последнего, а Б. Ф. Земляков и М. Я. Рудинский склонялись к мнению, что это бык⁷. В затяжном, почти двадцатилетнем споре верх одержал М. Я. Рудинский. А В. Н. Даниленко без нужды пытался удревять Каменную Могилу, исключая вместе с тем из поля зрения очевидные для специалиста вещи.

После Великой Отечественной войны Каменную Могилу стал исследовать М. Я. Рудинский. Он раскапывал ее вплоть до своей смерти в 1958 г. Им открыто более 13 гротов и пещер (37 гротов нашли О. Н. Бадер и В. Н. Даниленко еще до войны) (табл. 6), впервые были сняты копии знаков⁸. Для различимости он обводил их углем, что приводило к осыпям песка. Конечно, это был вынужденный шаг, однако археолог нанес памятнику непоправимый урон — часть знаков была повреждена, тут и там черточки, штришки исчезли, и в более поздних копиях оригинал отчасти стал неузнаваем. Кроме того, М. Я. Рудинский совершил одну непростительную ошибку, уничтожив бульдозером памятник, вероятно, протошумерского времени, находившийся близ нынешнего Красного озера⁹. М. Я. Рудинский в отличие от В. Н. Даниленко не торопился с выводами, тогда как датировки последнего часто оказывались поспешными. Несмотря на досадные промахи М. Я. Рудинского, я убедился в его глубокой добросовестности — несмотря даже на огорчительные неточности в посмертной публикации его книги (составленной его сестрой Е. Я. Рудинской) — например, зеркальные копии панно¹⁰. В ряде случаев при чтении мне пришлось обращаться именно к копиям М. Я. Рудинского, тогда как в более поздних копиях очень тщательного, кропотливого Б. Д. Михайлова надписи уже почти не читались¹¹.

Б. Д. Михайлов начал работать на памятнике еще в 1955 г., рядом с М. Я. Рудинским. В 1961 и 1963 гг. он исследовал гроты вместе с В. Н. Гладилыным. Они изучали гроты № 9 и № 37, куда из-за боязни обвала М. Я. Рудинский не спускался. Они же изучали плиты № 46 и № 48, в которых фигурировали «упряжки быков»; В. Н. Гладиллин датировал их первой четвертью II тыс. до н. э. Рисунки Грота Быка (№ 9) он отнес к мезолиту, «конские плиты», и среди них плиту № 25 с обширным текстом, а также плиты № 26–28, к эпохе бронзы¹².

В. Н. Даниленко возобновил свою работу на Каменной Могиле в начале 1970-х гг. Он обнаружил очень интересный Грот Колдуна с достоверными изображениями мамонтов и целым кладом «палеток» — каменных табличек с письменами на «полках» так называемой Скинии, а также Грот

ТАБЛИЦА 6

План расположения глыб и плит-панно Каменной Могилы,
обнаруженных В. Н. Даниленко и О. Н. Бадером до 1950 г. (по И. А. Злобину)

Чуринг (каменных палеток в виде рыб, тоже с письменами), получив около 300 новых изображений и 90 палеток с надписями¹³. Эта удача стимулировала интерес археолога к обобщениям, и он создал оригинальный труд о Каменной Могиле¹⁴. К сожалению, он тоже был опубликован посмертно.

В 1983 г. раскопки Каменной Могилы возглавил Михайлов. Он обнаружил новые гроты (№ 36-б, 51-б*, 53-62) с неизвестными прежде надписями. Что особенно важно, кроме новых «чуринг» вблизи старых находок в Гроте Козы (№ 60) ему удалось найти новый архив каменных табличек, общее число

* В данной книге в номерах гротов и панно даются соответственные — латинские обозначения: № 36/в, 51/в, 19/в и т. д.

которых достигло 160¹⁵. Б. Д. Михайлов исключительно добросовестно отнесся к своим находкам. Он перепроверил имевшиеся старые копии, которые в ряде случаев оказались весьма приблизительными (это касается в основном копий В. Н. Даниленко), так что прочитать в них шумерские надписи было бы если не невозможно, то весьма затруднительно. Для осуществления такой колоссальной работы пришлось открывать все ранее засыпанные гроты и сверять копии с оригиналами. Кроме того, совсем недавно Б. Д. Михайловым был обнаружен «тайник» в Грооте Быка, куда ставили стелы, находившиеся близ «местонахождения» («знахождища») № 59 с очень интересными надписями, как оказалось впоследствии; а также исследован Грот Вишапа (№ 55), в котором совершались какие-то важные ритуальные действия типа избияния тотема (вишап оказался с совершенно разбитым «носом»)¹⁶.

В результате систематического тридцатилетнего труда появилась третья монография о Каменной Могиле, изданная Б. Д. Михайловым в Запорожье в 1994 г.: «Петроглифы Каменной Могилы на Украине»¹⁷. На деле она подводит итог всем прежним изысканиям. Не буду останавливаться специально на особенностях этой значительной книги, к сожалению, изданной не на должном полиграфическом уровне. Дело даже не в низкосортной бумаге, на которой она отпечатана, а в отсутствии иллюстративных материалов, которые имелись в наличии, прежде никогда не издавались и были бы чрезвычайно уместны именно в этой книге. Остановлюсь лишь на проблеме письма. Подобно предшественникам Б. Д. Михайлов, смутно осознавая, что многие надписи представляют собой знаки письменного текста, не подозревал, что они могут относиться к определенному языку. «Готский язык» или «готские руны» мелькали в его публикациях ранее, как и в монографии, и не исключено, что в поздних слоях Могилы могло быть нечто такого рода. Однако основной массив был иным. Б. Д. Михайлов пытался интерпретировать общедоступный смысл изображений (а не идеографический), как до него М. Я. Рудинский, В. Н. Гладилин и особенно В. Н. Даниленко (а также Б. А. Рыбаков¹⁸ и Ю. А. Шилов¹⁹), с точки зрения улавливаемых в них сюжетов: «упряжки быков», «лошади», «следы» и т. д. Подавляющее большинство письменных панно он связывал с фиксацией разнородных узнаваемых образов тварного мира, для чего нужна была совсем не заурядная фантазия. Пример с «египетской богиней Мерит-Сегер» — один из самых правдоподобных. В других случаях, особенно огорчительных в каменных табличках, Б. Д. Михайлов повсюду видит образы животных, хотя это неоспоримые надписи. Конечно, он пытался уловить идеографического, тайный язык жрецов, однако не было рядом ни шумеролога, ни египтолога, ни эламитолога. Вопрос не так прост, поскольку древние писцы Б. Д. Михайлов составил даже шумеро-эламские уравнения со «своими» знаками, однако дальше пойти ему уже не удалось. Но и то, что он сделал (на-

пример, полтавское сообщение), послужило трамплином уже для работы специалистов-идеографов.

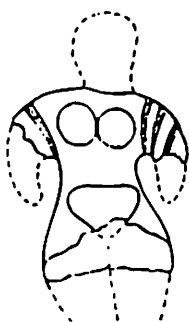
Хотелось бы отметить, что Б. Д. Михайлову принадлежит честь открытия еще нескольких древних надписей. В селе Надеждино Приазовского района Запорожской области им было открыто изображение на камне (стела), которое заменяло туловище в гребенного, а внизу стелы были найдены лишь кости ног²¹. Надпись на стеле была прочитана мною как «Шара» (бог Луны). К сожалению, эта удивительная, странная находка была не понята и не получила резонанса.

Кроме того, Б. Д. Михайлову известен курган на Симферопольщине, раскопки которого велись в 1970-е гг., и результаты их до сих пор не изданы²². Этот курган обходила каменная обкладка из стел, на ряде которых, судя по некоторым чудом уцелевшим фотографиям, были начертаны протошумерские знаки («im и «ašna»). Он собирался начать раскопки заново, но пока это не удалось. Для меня наиболее важно, что Б. Д. Михайлов вплотную подошел к необходимости прочтения знаков Каменной Могилы, о чем свидетельствует полтавская публикация свода некоторых разрозненных надписей²³. Она-то и стимулировала мой интерес к изучению письмен этого памятника.

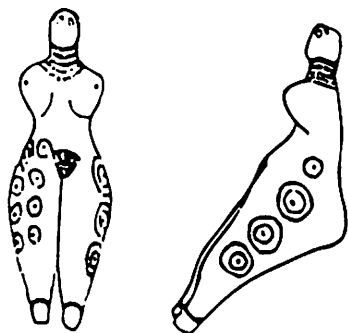
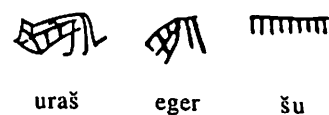
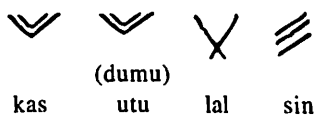
Предлагая ниже свой опыт дешифровки, прочтения и интерпретации части надписей Каменной Могилы, я хочу предупредить специалистов, что переводы носят крайне предварительный характер и следует обращать большее внимание на транскрипцию. Я делал ее с учетом своего опыта работы с шумерскими и в целом древневосточными памятниками. Где-то удавалось найти убедительный материал для сравнений, где-то я мог опереться на известные шумерские архивы, а где-то приходилось идти исключительно интуитивным путем, на который меня наталкивала та сумма представлений о древней культуре, что сформировалась в подсознании за долгие годы работы над раннешумерскими текстами.

Вероятно, в процессе дальнейшей работы многое придется пересматривать и дополнять. Но для меня сейчас ясно одно. Каменная Могила — грандиозный древний архив, который позволит пролить новый свет на историю цивилизации Шумера. Но кроме того она — след другой, неизвестной нам пока великой культуры, связанной как с культурой Передней Азии и в частности с Шумером, так и с миром причерноморско-приазовских степей. Чем она была — грандиозным святилищем, культовым центром окрестных народов? Почему в ней оказалось протошумерское и шумерское письмо? О чем говорят надписи Каменной Могилы? Эти вопросы, конечно, не могут быть целиком освещены в данном исследовании, но мы надеемся хотя бы отчасти приблизиться к их решению.

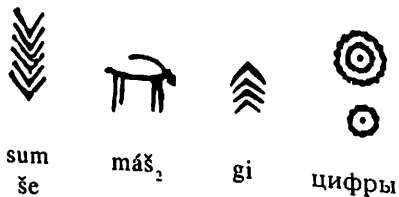
«Надписи» Намазги III
(по В. М. Массону и В. И. Сарнианиди)

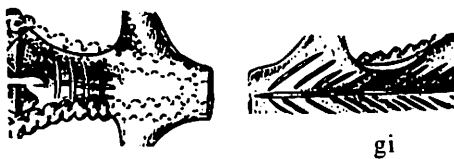
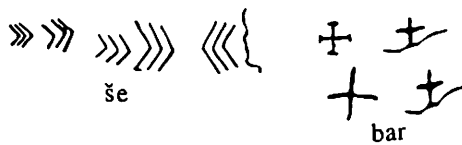
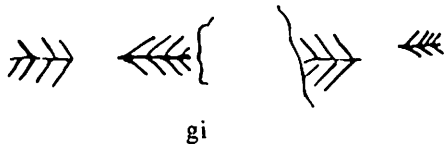
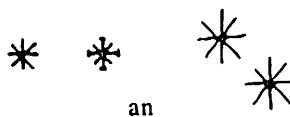
(Массон, Сарнианиди, 1973, с. 10)

(Массон, Сарнианиди, 1973, с. 10)

«Надписи» Намазги IV-VI
(по В. М. Массону и В. И. Сарнианиди)

lil₂

